2.

Накануне австрійскихъ выборовъ намъ приходилось писать, что политическая драма молодой австрійской республики (и не только одной Австріи) — въ отсутствіи той середины республиканской партіи, безъ которой нѣтъ и не можетъ быть устойчивости демократическаго строя.

Въ нынѣшней Австріи нѣтъ республиканскаго «средняка», буржуа-республиканца. Съ одной стороны — соціалисты, съ другой — реакціонеры. И борьба за принципы 1789 года ведетъ партіи, чья программа не умѣщается въ рамкахъ этихъ принциповъ. Въ Австріи за соціалистовъ голосуютъ всѣ, кто противъ реакціи, т. е. масса гражданъ, совершенно не раздѣляющихъ не соціалистической программы, но соціалистическихъ настроеній. Эти выбиратели безсильны создать свою партію, и вынуждены отдавать голоса соціалистамъ только потому, что не хотятъ голосовать за политическихъ враговъ.

Подобное же отсутствіе республиканскаго «средняка», — въ нѣмецкой стѣнѣ нас. — драма германской демократіи. Послѣ послѣднихъ выборовъ исчезла раздавленная слѣва и справа «демократическая партія», которая и была для Германіи партіей принциповъ 1789 года. Германскіе соціалисты, конечно, вѣрные республиканцы; стоящія за ними рабочія организаціи, конечно, помѣшаютъ любому «путчу» забастовокъ, прекращеніемъ желѣзнодорожнаго сообщенія, перерывомъ освѣщенія, телефона, телеграфа и т. д. Но всеобщая забастовка, закрытіе паровозы и перерѣзаніе провода, это-вѣдь не идея, а средство; мощное и незамѣнимое, — средство противъ путча, — но не для воспитанія республиканскаго духа.

Вотъ почему дѣло не только въ темпераментѣ и въ отличіяхъ національнаго характера, какъ полагаетъ Зигфридъ. Дѣло и въ той конкретной исторической обстановкѣ, въ которой приходится вести борьбу за и противъ политическаго лагеря французской революціи.

3.

Зигфридъ полагаетъ, что за или противъ принциповъ 1789 года означаетъ — за или противъ стараго режима. Нѣтъ, эта схема

Бунтъ студента Козлова

Въ бюро партійной ячейки гидротехническаго факультета петроградскаго института водного транспорта поступило заявленіе отъ студента четвертаго курса Козлова, съ просьбой «не включать его въ группу пропагандистовъ, такъ какъ онъ не согласенъ съ генеральной линіей партіи». Козловъ студентъ изъ рабочихъ, въ партію вступилъ въ 1925 году и былъ тогда плотникомъ. Съ 1926 года состоитъ студентомъ института.

Въ объясненіяхъ, которыя Козловъ представилъ въ бюро ячейки, имъ приведены главныя основанія его «несогласія съ партіей». Козловъ критически относится къ коллективизаціи, по его мнѣнію «трудъ кулаковъ непроизводителенъ, потому что въ колхозѣ убивается хозяйственная заинтересованность крестьянина, отъ всѣй работы партіи по соціалистической перестройкѣ сельскаго хозяйства пахнетъ «средневѣковьемъ». Партія искусственно разжигаетъ классовую борьбу въ деревнѣ».

Вѣсьма критически этотъ студентъ-партіецъ относится также къ большевистской реформѣ высшей школы. «Мы создаемъ не высшую школу, а нѣчто ниже техникумовъ. При такихъ темпахъ работы, мы при готовимъ не инженеровъ, а суррогатъ, съ которымъ Днѣпростроевъ не построишь». Въ заключеніе своихъ объясненій, Козловъ заявилъ, что «партійный режимъ не выносимъ».

(«Петрогр. Правда», 24 ноября).

Сынъ эксъ-кронпринца

Берлинъ, 29 ноября.

Старшій сынъ экс-кронпринца, Луи-Фердинандъ, давно уже не въ лаяхъ съ семьей. Онъ уѣхалъ въ Америку, былъ въ Голливудѣ, гдѣ даже носились слухи объ его женитьбѣ на извѣстной кинематографической актрисѣ Лиля Дамита, затѣмъ эмигрировалъ въ Аргентину и поступилъ на службу на одинъ изъ заводовъ Форда.

Экс-кронпринцъ не разъ требовалъ отъ сына бросить свои похожденія и вернуться въ отчій домъ. Но на всѣ просьбы отца молодой Луи-Фердинандъ отвѣчалъ отказомъ. Чтобы уговорить блудного сына, въ Америку отправился его братъ, принцесса Цецилія, но и ея миссія не увѣнчалась успѣхомъ.

Но того, что не удалось экс-кронпринцу и принцессѣ Цециліи, добился Вильгельмъ II. Экс-кайзеръ самъ написалъ своему старшему внуку, и Луи-Фердинандъ подчинился. Между экс-кронпринцемъ и сыномъ произошло примиреніе. Въ среду на будущей недѣлѣ, Луи-Фердинандъ возвращается въ Германію.

АМБУЛАТОРІЯ СЕРГІЕВСКАГО ПОДВОРЬЯ

Пріемъ больныхъ въ амбулаторіи Сергіевскаго Подворья производится по воскресеньямъ отъ 11 съ пол. до 12 съ пол. час. дня.

Православный Богословскій Институтъ

Воззваніе митрополита Евлогія

За истекшій годъ особенно усилились гоненія на религію въ Россіи. Въ настоящее время антирелигіозная пропаганда достигла еще небывалаго размаха. Уже въ теченіе года всѣ школы въ Россіи объявлены активно антирелигіозными.

Въ то время, какъ въ Россіи одинъ за другимъ создаются безбожные университеты и спеціальные курсы для подготовки антирелигіозныхъ пропагандистовъ, въ то время, какъ тамъ вырабатываются новые научные методы антирелигіозной пропаганды, Русская Церковь не только лишена возможности миссіонерской и апологетической дѣятельности, она даже не можетъ воспитывать своихъ будущихъ пастырей.

Вотъ уже 15 лѣтъ, какъ въ Россіи прекратилась открытая богословская работа. Поэтому лица народной души, лишенныя часто духовнаго руководства, засоряются лже-ученіями и суевѣріями. Бороться съ этимъ можно лишь развитіемъ подлинной богословской науки. И это какъ разъ невозможно въ Россіи.

Поддержать свѣточъ русской православной богословской науки — долгъ всѣхъ насъ, живущихъ за границей.

Православный Богословскій Институтъ сейчасъ единственная высшая богословская школа русской церкви.

Его существованіе зависитъ отъ поддержки русскихъ людей.

Мы сейчасъ переживаемъ трудныя времена. Велики и почти непосильны лежащія на насъ обязанности.

Но, вѣрю, мы не оставимъ учрежденія, столь необходимаго для русской церкви.

Жертвуйте всѣ, сколько кто можетъ, не стѣсняясь размѣрами нашей помощи. Большая помощь Институту оказывается пожертвованіями, принятыми среди жертвователей есть много небогатыхъ людей. Однако, для того, чтобы продолжалась пожертвована помощь, необходимо, чтобы и русскіе люди внесли свою лепту.

Изъ отдѣльныхъ небольшихъ пожертвованій сложится сумма, необходимая для поддержанія существованія Института.

Направляйте пожертвованія по адресу казначея Института: Н. И. Шидловскому, 12, ро Дарю (Парижъ, 8).

Господь не оставитъ тѣхъ, кто поможетъ церкви въ годину тяжелыхъ испытаній, не отъ своего богатства, а отъ своей скудости. Митрополитъ Евлогій

Visitor.

САМЕО

32, BD DES ITALIENS, 32.

ЛУЧШІЙ РУССКІЙ ЗВУКОВОЙ ФИЛЬМЪ

ТРОЙКА

Пост. ВЛАД. СТРІЖЕВСКАГО.

УЧАСТВУЮТЪ:

ОЛЬГА ЧЕХОВА, МИХ. ЧЕХОВЪ, ЭЛЛЕНЪ СТИЛЬСЪ и Г. ФОНЪ-ШЛЕТТОВЪ

Вѣсти отовсюду

— Итальянская палата постановила сократить на 12 проц. жалованье депутатовъ.

— Обнаружена центральная часть нильскаго древнихъ искусствъ на выставкѣ въ Севилѣ. Человѣческихъ жертвъ нѣтъ.

— Въ Монтевидео объявлена всеобщая забастовка.

— Въ Саутгемптонѣ приступлено къ сооруженію новаго дока, который будетъ самымъ большимъ въ мірѣ.

— Марш. Франше д-Эспре выѣхалъ въ Палестину.

— Въ Миланѣ закончилось слушаніемъ дѣло группы профессоровъ - антифашистовъ. Проф. Росси и Серена приговорены къ 15 годамъ тюрьмы каждый. Проф. Беллоли и бывшій министръ Белготти — къ семьи на 5 лѣтъ каждый.

СОБИНОВЪ

СУББОТА, 6 ДЕКАБРЯ — ЗАЛЪ ГАВО

Краткіе разсказы

УБИЙСТВО

Домъ съ мезониномъ, въ Замоскворѣчьи. Деревянный. Чистыя стекла, окрашены хорошей синькой. Рядомъ — гараж, толпа и большой автомобиль, какъ нашъ. Двери подъѣзда открыты — ковры на лѣстницѣ, коврикъ, бѣлый, съ красной дорожкой. И вся толпа смотритъ туда съ восхищеньемъ, слышны ахъ-ахъ!

— Да, милая, убила! Вдова, молодая... Любила его, говорятъ, до страсти. А онъ только на ея достаткъ льстился, гуляка съ нѣмъ попало. Вотъ она и приказала сдѣлать ему на прощанье, угощала, чаемъ поила, по-вѣстовски: «Ай мнѣ на тебя наглядѣться!» А потомъ и всадила ему, хмѣлю, ножъ въ душу...

Открылось окно въ мезонинѣ, чьи-то руки въ бѣлой военной перчаткѣ дали знакъ автомобилю. Машина зашумѣла, пары раздаяся. И вотъ она показалась — сперва стройныя ноги, потомъ полы собольей накидки, потомъ вся по всемъ своемъ передѣ — плавно, точно въ вѣнцу, въ церковь, стала спускаться внизъ по ступенькамъ. Бѣла и дородна — старой купеческой крови — черные глаза и черныя брови, голова открыта, прическа гладко, съ прямымъ проборомъ, въ ушахъ камушки, блещутъ хлѣбныя серьги. Лицо спокойно, ясно, на губахъ ласковая улыбка — ко всѣмъ народу... Вошла въ машину, сѣла, за ней вслѣдъ человѣкъ въ ловкой шинели строго и неподвижно глянулъ на любопытныхъ; хлопнула дверца, машина сразу полна съ мѣста...

И всѣ, глядя ей вслѣдъ, съ восхищеньемъ:

— Ну, покатила, помчала!

ВЪ ОБРЕЧЕНИОМЪ ДОМѢ

Одинъ изъ тѣхъ зимнихъ мокрыхъ дней, слишкомъ и темныхъ, когда нѣтъ на сердцѣ города стратегъ лицей Москвы. И уже я вечеритъ. Иду вверхъ по Большой Никитской и вижу: гитарки, вокалъ стараго двухъэтажнаго дома, кусками черныя на тротуаръ и на улицѣ народъ. Что такое? Иду и замѣчаю что-то особенное въ томъ, какъ эти люди глядятъ на домъ, поднимутъ на гитарки высокого магазина на его нижнемъ этажѣ и о чемъ-то переговариваются, не обращая вниманія на капели съ крыши и снѣжныя лужи подъ ногами. Ускоряю шаги и, подойдя, спрашиваю, что случилось? Оказывается, опять повадился на убійство! Часовщикъ, одинокій жилецъ въ своей квартирѣ надъ магазиномъ, нашли полчаса тому мертвымъ — лежитъ на полу съ проломленной головою, весь подвалъ крови... Кто убилъ — никто не знаетъ: будто бы какой-то больной черный мужчина, часовщикъ съ семи утра пробѣжавшій тутъ съ топоромъ въ рукѣ. Зачѣмъ и почему — никакъ не знаетъ: изъ вещей у часовщика ничего не взято, а деньгъ у него, говорятъ, не было... Съ удивленіемъ осматриваю этотъ давно знакомый мнѣ домъ: какъ же это нашелся въ сихъ норъ не приходящій мнѣ въ голову, что тамъ такомъ непремѣнно должно было совершиться убійство? Эти лимонно-зеленоватыя стѣны, эта ржавая вывѣска надъ пыльной витриной, это мрачное и загадочное выраженіе черныхъ оконъ наверху... Подхожу и сквозь витрины: за стекломъ, внутри темнаго магазина стоятъ только одни старинныя часы, узкіе, высокіе, красного дерева, бронзовый маятникъ которыхъ (въ нихъ двухъ обнаружены влюбленныхъ) мѣрно поблескиваетъ, тикъ и мѣрно ходитъ изъ стороны въ сторону... Потомъ смотрю на запертую на замокъ дверь магазина, подъ которую натекла съ тротуара свинцовая вода, и вспоминаю то, что не разъ видѣлъ утромъ, проходя мимо: какъ этотъ часовщикъ, пожилой и очень невзрачный человѣкъ въ пуфяхъ съ шлепками (и точно облизанными) бобровымъ воротникомъ, отворялъ свой магазинъ, и на него тоже капало съ крыши и съ вывѣски...

Сумерки, лужи, тяжкіе сугробы, вверху, вдоль пустой улицы, мгновенно горятъ рѣдкіе фонари...

УЖАСЪ

Мѣсячной осенней ночью, сквозной и тихой, я пѣшкомъ возвращался съ волчьей охоты по сухимъ, блестящимъ жнивьямъ, пашнямъ и просѣкамъ и зашелъ повсчать на хуторъ, одинокъ стоящій въ полѣ. Постоянно жилъ на немъ только старикъ, а хозяинъ, городской красавецъ, лишь порой, наѣздомъ. Хуторъ имѣлъ видъ пустынный: чистое, ровное поле, гумно есть жилья даже, а само жилье — всего на всего бревенчатый флигель да избушка-сторожка, тоже на отлетѣ... и на души на обширномъ дворѣ между ними, — даже не залаяла собака, когда я сталъ стучаться въ темное окошечко сторожки. Мужикъ, выйдя ко мнѣ на порогъ безъ шапки, но въ полушубкѣ, тоже не понималъ спросонья, что мнѣ надо, потомъ повелъ меня по флигелю, «Вотъ тутъ и ложитесь», — сказалъ онъ, вводя меня въ маленькій прихожей въ просторную хозяйскую спальню, гдѣ были только голыя бревенчатыя стѣны да широкая деревянная кровать безъ матраса, съ одной большой подушкой. И вотъ, когда онъ вышелъ лечь и на эту кровать, покрылъ, что-то подумалъ о чужой, совсѣмъ ненужной мнѣ жизни какого-то мѣщанина, подъ кровъ котораго привелъ меня случай, и сталъ забываться. Ненужный мѣсяцъ мирно свѣтилъ въ два большихъ окна напротивъ, озарялъ кровать тонкимъ золотистымъ блескомъ, и все вокругъ было такъ просто и прекрасно, такъ безмолвно и спокойно... Молчи-ли и думать, засыпая, что такъ страшно будетъ мое пробужденіе среди ночи? И проснулся сразу, отъ какого-то стука. Кто-то громко стучалъ къ мнѣ снаружи, съ поля, въ верхнюю половину оконной рамы. Стукъ этотъ почему-то показался мнѣ столь злобнымъ, что я мнѣ себя искомкалъ на кровати. А вскочилъ, увидѣлъ, что за окномъ, все, его затемнив, стоялъ кто-то громадный, черный, длинный и покатый, — лбомъ и стучалъ, стараясь пробить верхнія стекла. И схватилъ двухстволку, дико крикнулъ: «Кто это? Стрѣлять буду!» Онъ, не отвѣчая, вытянулся еще выше, надвинулся на окно еще плотнѣе и застучалъ еще громче...

Это была старая, худая лошадь, безъ призору шатавшаяся ночью по усадьбѣ. Она пришла къ дому и стала чесаться объ оконный наличникъ, вытянувъ шею и стукая головой въ раму.

НА БАЗАРНОЙ

— Вамъ что нибудь ко хозяйству или грѣшкамъ?

На Базарной всѣмъ торгуютъ: тутъ магазины красного товару, кожевой магазинъ, галантерейный магазинъ, мясокатальныя и провиціальныя лавки, скобяныя, посудныя, еще дальше, совсѣмъ возлѣ базара, тѣ раскторы и сараи, гдѣ выставлены наружу мотла, гробы, лопаты, грабли, новыя, черно-блестящія по втулкамъ колеса... Ноль, будни, день сухой и жаркій, на Базарной пусто — всего одинъ случайный покупатель, мужикъ изъ уѣзда: рысью прогремѣлъ отъ собора, спиду, — сразу видно, что по спѣшному и неожиданному дѣлу, — и остановился передъ самымъ большимъ раскторомъ. Бросилъ деревянныя вожжи на свою кобыленку съ дробными, какъ у осла, ногами, соскочилъ съ грядки пыльной телѣги, набитой соломой, дернулъ на затылокъ горячую шапку, стоитъ и смотритъ.

— Что нибудь по сельскому обиходу или, говорю, грошикъ?

— Да, грошикъ...

— Выборъ агроидный. Самъ поскрочный или поварядный?

Мужикъ переводитъ глаза съ манящихъ своей новизной лопатъ и мѣтелъ на то, что нужно, — что стоитъ рядомъ съ ними и такъ сумрачно и грубо чернѣетъ сухой дѣвичьей краской, бьются крестами на крышкахъ и крылатыми дѣтскими головками по краямъ крышекъ.

— Да, конечно, что-нибудь получше...

— А, собственно, для кого-же? Для младенца? Для отрока или строковица? Для старичка или старушки?

— Для младенца, милый, я не сталъ бы себя безпокоить на такую пору. И всю косьбу бросилъ въ полѣ...

— Значитъ, для родителя или для мамаши?

— То-то и дѣло, что для мамаши... Ты мнѣ выбери что-нибудь почтенненькое и подешевле.

— А какого приблизительно были онѣ ростомъ? Пропорціональной женской мѣры?

Мужикъ, выбирая гробъ глазами, рѣшаетъ задачи проходить себѣ отъ предлѣчья къ предплечью.

— Тогда чего-жъ лучше модели, напримѣръ, такого рода?

И приказчикъ быстро кладетъ руку на покрывало дальняго гроба, однимъ ловкимъ кругообразнымъ движеньемъ отдѣляетъ его отъ прочихъ и ставитъ передъ мужикомъ на тротуаръ.

— Этотъ, думаетъ, дюже маловатъ. Она, правда, нехуталъ...

— Гробъ не перваго разряду завсегда довольно маловатъ, но вмѣщаетъ вполнѣ прилично.

— А прочемъ?

— Съ ручательствомъ за полную солидность. До Второго Пришествія хватитъ.

— А ну-ка, откройка-ка...

Приказчикъ отпираетъ крышку. Мужикъ, наклоняясь, внимательно смотритъ. Внутри гробъ некрашенъ, тесъ тамъ золотистый, шершавый, хорошо и сухо пахнетъ, кое-гдѣ въ желтыхъ смолистыхъ каплякъ. Дно, однако, не изъ цѣльной тесины, а изъ двухъ и притомъ неровныхъ, ужъ совсѣмъ корявыхъ, плохо пригнанныхъ другъ къ другу, а, главное, съ дырой отъ сплющенного и выкинутаго сучка, отъ его выскочившей пробки. И мужикъ, оглядывая, въ разсеятой надеждѣ на большую уступку:

— Нѣтъ, этотъ со сшвеченъ, съ изъяномъ! Это бракъ, милый! Возьму, если скинешь съ пятерки. И то только для мамаши!

МАМАША

— Здравствуйте, баринъ, мое почтенье. Какъ поживаю-то? Да не Богъ нѣтъ какъ. Все мотаюсь, мѣщанствую. Какъ-же намъ, шибаемъ, иначе быть? Съ ярмарки на ярмарку, съ базара на базаръ... А вѣдь уже подъ сорокъ, — вы не глядите, что я такой

эмигрантов продали поддельных, так называемых «ли повых» документовъ. Въ числѣ этихъ документовъ были:

1. Протоколы засѣданій и постановленій торгово - промышленнаго комитета въ Парижѣ;

2. Отчеты о собраніяхъ съ указаніемъ участвовавшихъ въ нихъ лицъ, причемъ въ числѣ этихъ лицъ были названы и извѣстные «спецы», находящіеся въ СССР.

3. Секретная переписка уполномоченнаго Общеполезнаго Союза, генерала Лукомскаго съ высшими чинами французскаго генеральнаго штаба;

4. Переписка извѣстныхъ дѣятелей съ Пуанкаре, а также письма Н. П. Милюкова къ Бриану;

5. Разные документы, написанные на оффиціальныхъ бланкахъ французскихъ и другихъ иностранныхъ учрежденій и особенно на бланкахъ иностранцевъ по совѣстамъ;

6. Конёк соглашенія, заключеннаго представителемъ великаго князя Николая Николаевича, генераломъ Лукомскимъ съ иностраннымъ генеральнымъ штабомъ.

Въ своемъ письмѣ Яковлевъ далѣе говоритъ: «Пока, по вполнѣ понятнымъ причинамъ, считаясь съ возможностью печальныхъ послѣдствій для авторовъ всѣхъ этихъ подложныхъ документовъ, я не могу опубликовать фамиліи лицъ, продавшихъ указанные документы агентамъ ГПУ въ Берлинѣ. Могу только указать, что участники этой оферы давно уже извѣстны съ этой стороны въ эмиграціи, а за подобныя дѣла были уже судимы разными судами во всей Европѣ. О приведенныхъ фактахъ я сообщаю на основаніи признаній, сдѣланныхъ мнѣ однимъ изъ участниковъ продажи документовъ, нѣкіимъ г. М. Это лицо готово, на условіяхъ гарантированія ему личной безопасности, назвать себя и указать время и мѣсто совершенія продажи подложныхъ документовъ, указать фамиліи тѣхъ агентовъ ГПУ, которые вели переговоры по вопросу о пріобрѣтеніи документовъ, а равнымъ образомъ указать источники, откуда были получены оффиціальные бланки иностранныхъ учрежденій».

— Это сенсаціонное письмо редакція «Экспресса Порапнаго» получила изъ Берлина. Авторъ письма хорошо извѣстенъ русской

бежный съѣзжъ, но по настоянію делегатовъ изъ Польши не былъ допущенъ на съѣздъ. Короткое время онъ издавалъ въ Вильнѣ газету «Новая Россія», въ 1928 году былъ высланъ изъ Польши въ Германію, а оттуда во Францію, изъ которой вновь вернулся въ Германію.

Безплатныя консультаціи

ПО ВОПРОСАМЪ КАРТЪ д-ИДАНТИТЭ, ПАСПОРТОВЪ, ВИЗЪ И Т. П.

Завтра въ 6 часовъ вечера въ помѣщеніи «Послѣднихъ Новостей» состоится консультація по вопросамъ карть д-идантитэ, паспортовъ, визъ и т. п.

Покушеніе на Людендорфа

Берлинъ, 29 ноября.

Уже въ теченіе нѣсколькихъ дней носятся слухи, что полицей раскрыто готовившееся покушеніе на ген. Людендорфа. Въ оффиціальномъ сообщеніи, опубликованномъ вчера вечеромъ, мюнхенскій полицей-президіумъ подтверждаетъ, что занятъ разслѣдованіемъ этого дѣла, но лишенъ возможности дать болѣе подробныя свѣдѣнія до окончанія слѣдствія.

гов. Мин. народн. просв. Подалъ въ отставку въ связи съ дѣломъ Устрика

Арестъ Устрика

Арестъ банкира Устрика, какъ вчера уже въ «Посл. Нов.» сообщалось, связанъ не съ недавними крахомъ его предпріятій, а съ однимъ давнимъ дѣломъ. Въ мартѣ 1927 г. разыгрался большой скандалъ. Финансисты Мександо и Торель распространили среди публики акціи, не имѣвшія никакой цѣны.

Оба финансиста были арестованы. Кромѣ нихъ арестовали также редактора издававшагося ими журнала «Биржа и Финансы», Рошетта. Въ этомъ журналѣ шла безстыдная реклама фиктивныхъ акцій, и публикъ совѣтовали покупать ихъ.

Судебная экспертиза обнаружила, что къ дѣлу Мександо имѣли близкое касательство Устрикъ, банкиры Бедель и Менье и два «кулисье», Дрье и Блохъ. Въ частности, между Устрикомъ и Мександо было заключено соглашеніе о продажѣ фиктивныхъ акцій, такъ называемыхъ «Боровскихъ Франсезъ». Устрикъ распространялъ эти акціи среди своихъ кліентовъ.

Слѣдователь Ондоберъ отдалъ приказъ объ арестѣ всѣхъ замѣшанныхъ въ это дѣло. Сперва были арестованы Устрикъ и Блохъ, затѣмъ Дрье и Менье.

Русскій Музей въ Парижѣ

(ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ)

Милостивый Государь,
Господинъ Редакторъ!

Вы меня очень обяжете, если напечатаете нижеслѣдующіе строки.

Съ большимъ интересомъ я прочиталъ письмо г. Н. Демидова, напечатанное въ № 3525 Вашей уважаемой газеты. Я цѣликомъ согласенъ съ г. Демидовымъ по вопросу о необходимости созданія русскаго музея въ Парижѣ. Такой музей былъ бы не только мѣстомъ, гдѣ можно было бы спасти отъ гибели великіи, выведенныя изъ Россіи, но и средствомъ для ознакомленія съ Россіей французовъ и молодого поколѣнія русской эмиграціи, живущаго далеко отъ родины.

Идея созданія русскаго музея въ Парижѣ меня занимаетъ уже давно. Еще до войны я развилъ эту идею передъ Парижскимъ муниципальнымъ совѣтомъ. Этотъ проектъ былъ сочувственно принятъ, но пропаганда всѣдствіе неуловлетворительности нѣкоторыхъ русскихъ, чиновниковъ муниципальный совѣтъ, что русскаго искусства не существуетъ вовсе (я писалъ объ этомъ инцидентѣ въ моей брошюрѣ «Русскій Иконы», отпечатанной въ «Revue russe-Этюдъ Истрилъ», январь-мартъ 1925 г.).

По возвращеніи изъ Россіи въ 1920-мъ году, послѣ войны и революціи, я вновь обратился къ этой идеѣ, считая, что наступилъ болѣе благопріятный моментъ, и разсчитывая на поддержку русской эмиграціи.

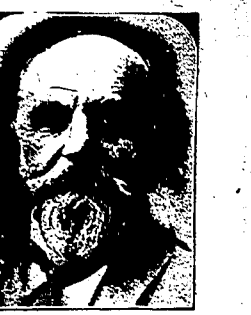
Во время частныхъ поѣздокъ въ Россію, начиная съ 1889 года, я хорошо узналъ Вашу страну и ея жителей, я полюбилъ Россію и во времена ея величія и въ эпоху испытаній. Изъ моихъ поѣздокъ я привозилъ многочисленныя сувениры. Желая засвидѣтельствовать мою привязанность къ Вашей родинѣ, я пожертвовалъ часть ихъ — книги, фотографіи и различные предметы искусства — на дѣло созданія въ Парижѣ русскаго музея. Эта коллекція хранилась нѣкоторое время въ Стрелецкомъ подворьѣ. Къ несчастью, за недостаткомъ средствъ и помѣщенія, подворье не могло ея хранить для всеобщаго обозрѣнія. Желая ознакомить съ ней широкую публику, я пытался перевести коллекцію въ институтъ «Этюдъ Славъ», гдѣ она въ настоящій моментъ и ждетъ рѣшенія своей судьбы.

Поэтому я горячо привѣтствую идею г. Демидова. Со своей стороны, я готовъ снова даромъ принять участіе въ развитіи этого дѣла, если оно будетъ осуществлено и его будущее будетъ обезпечено.

Примите и пр.

Маркизъ де Бей

Вукичевичъ



Бывшій сербскій премьеръ-министръ, на-дняхъ скончавшійся

СОБИНОВЪ

СУББОТА, 6 ДЕКАБРЯ — ЗАЛЪ ГАВО

юрзей, на ногу легкій. Одно спасеніе, что моя хибарка есть, — случается, и совѣдь голодный прядешь, ну, а все-таки домой... ютъ, но совѣсти сказать, скука мнѣ дома смерь, не приведи Богъ. Сами знаете наше пободское житье: сушь, жара, дни долгіе... домъ пустой: жену схоронилъ, дѣтей схоронилъ, одна маманка покалѣчъ лежа. Но только и маманка послѣднее время не больно радуетъ: едва ноги таскаетъ по горницѣ, слабя стала до крайности, слухомъ и рѣшимъ и того слабѣй, интереса ко мнѣ ни соображеніи — ни малѣйшаго, худа отъ гробъ клади. Вѣдь какая была женщина! Но дородства, не статности прямо гуменьей быть. А теперь — викуда: одна горошина остались.

ЛѢТНІЙ ДЕНЬ

Слобода, безконечный лѣтній день.

И весь день сидитъ боей, расвоенный мохнинъ возлѣ своей ветхой маланки, на жилой лавочкѣ, подтянувъ подъ солнце свои раскрытую лохматую голову. Сидитъ занимается съ рыжимъ кобелькомъ:

— Дай лапку!

Кобелекъ не понимаетъ, не даетъ.

— Говорятъ тебѣ, дай лапку! Ну?

Кобелекъ не даетъ. И онъ бѣетъ его по мордѣ. Кобелекъ съ отвращеніемъ моргаетъ, отворачивается, какъ-то кисло-сладко мурлыкъ, слабо, нерѣшительно принимаетъ ну, но тотчасъ опять опускаетъ ее. И опять подчинка и опять:

— Дай, сукинъ сынъ, лапку!

ЖУРАВЛИ

Ленной и холодный день поздней осени, ту родной, спокойной рыжей по большой грусть. Блескъ ниакаго солнца и пустыхъ полей, сумолкшее и недвижное ожиданіе кого-то, мертвая, свѣтлая тишина земли и неба. Но вотъ, вдали, за мной, слышенъ трескъ колесъ. Прислушиваюсь — трескъ нѣжій, быстрый, трескъ шибко бѣгущихъ дрожекъ. Оборачиваюсь — кто-то нагоняетъ. Этотъ кто-то все ближе и ближе — уже хорошо видна его во весь духъ летящая лошадь, затѣмъ онъ самъ, то и дѣло вытягивающій изъ-за нея и покрывающій ее та кнутомъ, то вожжами. Что такое, кто это? А онъ уже поутъ онъ, настигаетъ — сквозь трескъ слышно мощное лошадиное дыханіе, слышенъ отчаянный крикъ: «Берегись, сторонись!» Въ страхѣ и недоумѣньи вижу съ дороги — и тотчасъ же мимо мелькаетъ сперва чудесная гнѣдая кобыла, ея глаза, ноздри, полныя вожжи сугучнаго цвѣта, новая блестящая сбруя, вымыленная подъ хвостомъ на лужахъ, потомъ самъ сѣдокъ — черный красивый мужикъ, совершенно шальной отъ скачки и какого-то блаженственнаго, на все готового наступленія. Онъ бѣшено-быстро пляшетъ на мѣстѣ, пролетая, свой черный, простенькій кафтанъ, поражаетъ свѣжей красной пастью и смоляно красивой молодой бородой, новымъ картузомъ, желтой шелковой рубахой подъ распахнутымъ черной поддевкой — умнаго, богатый, хозяйственный мужикъ изъ-подъ Ливенъ — и какъ вѣтеръ и унтъ дальше. А пролетѣвъ съ версту и уже совсѣмъ едва уменьшившись, сразу останавливается и соскакиваетъ съ дрожекъ. Тутъ уже и гонки къ нему и, приближаясь, вижу: лошадь стоитъ на дорогѣ и тяжко носитъ боками, сугучныя вожжи ея лежатъ на земли, а самъ сѣдокъ движетъ полы, зимнюю книгу, раскинувъ полы поддевки.

— Барынь! — дико кричитъ онъ въ землю. — Барынь!

И, когда я раздаюсь, вскакиваетъ и отчаянно замахиваетъ руками:

— Ахъ, грустно-о! Ахъ, улетѣли журавли, барынь!

И, мотая головой, захлебывается горькими слезами.

СТАРУХА

Старуха пріѣхала въ Москву изъ глуши. Свой сѣверный край называетъ Гусью. Большая, бокастая, ходитъ въ валенкахъ, въ теплой стеганной безрукавкѣ. Лицо крупное, желтоглазое, въ клокахъ толстыхъ сѣдыхъ волосъ, — лицо восемнадцатаго вѣка.

Спросила ее какъ-то:

— А сколько вамъ лѣтъ будетъ?

— Семьдесятъ семь, господинъ милый.

— А вы, дай Богъ не сглазить, еще совсѣмъ хоть куда.

— А что жъ мнѣ? Это года не велики. Наши родители до ста лѣтъ доживутъ.

Чаю она не пьетъ, сахару не ѣстъ. Пьетъ горячую воду съ черными хлѣбомъ, съ селедкой или солеными огурцами.

— Вы могуны, небось, и не хворали?

— Нѣтъ, тридцатина была на мнѣ, порчи на мнѣ были. Мужа страшилась: какъ онъ ко мнѣ съ любовнымъ чувствомъ, меня и начинало зрости, корежить. Сжегъ бы его, что напустила на меня это!

Слово сожженъ одно изъ ея любимыхъ. Про людей безбожныхъ говоритъ она съ строго:

— Не смѣютъ они такъ говорить. Богъ знаетъ, а не ихъ. Сжегъ бы ихъ лѣтъ!

Ея разсказы о родинѣ великолѣпны. Лѣса тамъ темны, дремучи. Снѣга иной разъ выше вѣковыхъ сосенъ. Бабы, мужики шибко бѣгутъ въ дубовыхъ санкахъ, на хубостныхъ лохматыхъ конькахъ, всѣ въ лазоревыхъ крашенаго холста тулупахъ со стоячими армянными воротами изъ жесткаго ненашитаго мѣху и въ такихъ же шапкахъ. Морозы грудь насквозь прожигаютъ. Солнце на закатѣ играетъ, какъ въ сказкѣ: то бѣлоцвѣтъ лиловымъ, то кумачовымъ, а то все кругомъ рядитъ въ золото или зелень. Зѣлобы и чудо — въ лѣсовые ягоды...

ИВАНЪ

Иванъ — охотникъ, лодырь. Живетъ съ краю деревни, водитъ поросята. Поросятъ на косогорѣ, скучный: голые глинистые бугорки, зарытые свиньями, истоптанные свиньями, которыя до земли выгоняли сухую траву между ними; идетъ одной мочалой тощая лошадка, на лошадкѣ внизъ головой виситъ дохлая галка, насквозь истоптанная муравьями; въ одномъ голубѣ, рядомъ съ фольговой иконкой, сидитъ гнѣздо хуходомъ... Въ погосту и прилегаетъ гумно Ивана, пустое; раскрытый хребетъ раги, старый тѣгнинный ящикъ, рогатая соломобѣжка — все заросло травой, бурьяномъ.

Когда мы шли къ его избѣ, съ деревни, отъ насъ отстѣгивая, прилаяли къ намъ шеей, вслѣдъ его единственная псѣшка и съ отчаянно-восклицательнымъ крикомъ кинулась въ ея разбитое окошко. Изъ разрушенныхъ крылышекъ, какъ-то по-вороньи сгрудившись, лежала сгнившая лиловая сорока съ висящими ушами, грустно глядя на какъ вновь, незадобно.

— Иванъ, — спросили мы, — чѣмъ же ты ее кормишь?

Иванъ слегка улыбнулъ:

— Какъ чѣмъ? Да мачкомъ. Ѣстъ, что сама промыслитъ...

Передъ крыльцомъ, на двухъ лопнувшихъ колесахъ, разсыпалась на солнцѣ пустая водовозка и безцѣльно (зачѣмъ, не знаю, что дѣлать) сидѣла на ней обрыдлый сѣдый голубь. Иванъ посмотрѣлъ, усмѣхнулся:

— Вишь, въ какую визитовку нарядился!

А въ избѣ подъ была заваленъ чѣмъ попало, всякой добычей того памятнаго лѣта: корыта, катушки, треногое ободранное кресло, прихотливо изогнутая рама изъ палисандра, гдѣ отъ зеркала осталось только кусая полоника, полотнище пыльной гардины, цыковая дѣтская ванна съ пропалинными боками, граммофонныя пластинки и граммофонный рупоръ, сѣдые часы съ одной стрѣлой въ лолъ возлѣ печки, полъ котомокъ ли самогона... Въ избѣ, и безъ того крупной, тѣсной, было нечѣмъ повернуться, было безобразно, точно послѣ пожара. И неподвижно сидѣла на лавкѣ бабка, каменная, большая, съ странными свѣтлыми глазами — жена Ивана Сергѣича, молчала и смотрѣла.

Это все она натаскала, сказалъ Иванъ самодовольно. Она у меня сметка!

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Лѣто, пыльно въ лѣсномъ заповѣдномъ краю.

Весь день прошлой свѣжей ночи, отъ сильнѣйшаго шума по тесовой крышѣ. Въ притаившемъ домѣ скучно, скучно, на потолкѣ спятъ мухи. Въ саду покорно нацуть пять голубей сѣзыхъ мокрыя перекрыя, красные цвѣтники у балкона необыкновенно ярки. Пять сѣтокъ, въ дымномъ небѣ, тревожно торчитъ шесть: пофрикацій, вскуплений, съ поднятымъ хвостомъ и обвислой шерстью, сталъ на краю своего гнѣзда на верхушкѣ столѣтней березы, въ размыкъ, на голыхъ бѣлыхъ сучьяхъ, и порой, вскоры, полусидя, подпрыгивая, крякко, трескуче стучитъ клювомъ: что же это такъ с. потонь, настоящій потопъ!

Но вотъ, часа въ четыре, дождь свѣтлѣй, рѣже. Ставитъ самоваръ въ сѣнцахъ — бальзамическій запахъ дыма стелется по всей усадьбѣ.

А къ закату совсѣмъ чисто, тишина, успокоенье. Господа и тѣ, что гостятъ у нихъ, идутъ въ боръ на прогулку.

Уже синѣетъ вечеръ.

Въ просѣкахъ бора, усѣянныхъ желтой хвоей, дороги глазны и упруги. Боръ дышетъ, сыръ и чудокъ: чей-то далекій голосъ, чей-то протяжный зовъ или откликъ, лишь отдается въ самыхъ дальнихъ чащахъ. Просѣки кажутся узки, прозрачны ихъ стѣны, бѣлыя чтобы, уходятъ своей вечерней далью. Боръ вновь ихъ незлаково-грозитъ, стоитъ тихо, тѣсно; мачты его кружуснулись голы, тонки, красны; ниже онъ сѣры, и раны, мшисты, сливаются грудь съ грудью: тамъ мхи, лишаи, сучья съ сучьями и лишь на темномъ, что висятъ подобно дымчатымъ космамъ сказочныхъ лѣсныхъ чудищъ, образуютъ бѣрлы, нѣжную тихую русскую грусть. А когда выходишь на поляну, радуетъ юная сосновая поросль: она по-дѣтски бѣлаго тона, глаза нѣжной, болотной, легка, но крѣпка и вѣтвиста: все еще въ брызгахъ и капель вешней пыли, она стоитъ, какъ мгла, сѣяниями въ нерѣзи нить серебристой кисей въ лѣсѣ.

Въ тихъ вечеръ бѣжали впереди гуляющихъ маленькій котенокъ и большая добрая собака, — все время игра, обгоняя другъ друга. Вперди же, по степенно, грациозно шла дѣвочка-подростокъ съ длинными руками и ногами, въ клѣтчатомъ легкомъ пальтишкѣ, полному-то очень миломъ. И всѣ усѣлись — знаю, отчего такъ бѣжатъ: такъ неустанно играть и притворно и сдѣлися кажетись, готовый отзываю запускать. Дѣвочка тоже знала и была горда, довольна. Но глядѣла небрежно и брезгливо.

Ив. Бунинъ.

1930 г.